

Из плача о писаре

Вопит кума:

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало нонь стены да городской,
Приукрылся писарёчик хитромудрой,
Он во матушку-сыру землю!
Вкупе все да мы, крестьяна, сухотуем —
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодушка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше нá свет человеку не родитися —
Много страсти-то теперь да много ўжасти,
Как больши того, великиих пригрозушек!
Наезжают-то судьи да страховитые,
Раззоряют-то крестьянски оны жирушки
До последней-то оны да лопотиночки!
Не дай Господи на сем да на белом свете
Со досадой-этым горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрыи,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныи,
Оны ду-друга люди не терзали!
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не мѣстечко —
Во осине горькой листьѣ расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!
На высоки эты щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшку не мѣстечко —
С того щельѣ кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да объявилося!
Уже тут злое горюшко кидалося

В окиян-сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалось —
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилася!
Прошло времечка с того да не со много.
В океан-море ловцы вдруг пригодилися,
Чего на́ слыхе-то было не слыхано,
Чего на́ виду-то век было не видано:
Как в досюльны времена, да в прежни годышки
В океан-море ловцы да не бывали!
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковыи,
Проволо́бки оны клали-то пеньковыи
Оны плутивца тут клали все дубовыи,
Изловили тут свежу оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек.
Точно хвост да как у рыбы лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная;
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры мóлодцы:
По приметам эта рыба да как щучина!
Поскорёшеньку ко бережку кидались,
На дубовой доске рыбу пла́стали;
Распололи как уловну свежу рыбоньку;
Много множество песку у ей приглотано,
Были сглонуты ключи да золочёныи!
Тут пошли эти ловцы да добры мóлодцы
Во деревеньку свою да во селение;
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золочёныи.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко Божиим церквам,
По церковным замкам ключи не ладятся.
По уличкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым,
И по лавочкам ключи не пригодилися!
Тут пошли эти ловцы да добры мóлодцы,
По тюрмам пошли заключевным:
В подземельные норы ключ поладился,

Где сидело это горюшко великое;
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не успели тут ловцы-добры мóлодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чистó поле слетело!
На чистóм поле горюшко садилось
И само тут злодийно восхвалялося,
Што тоска буде крестьянам неудольная!
Подъедать стало удалых добрых мóлодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных мужних молóдых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилось,
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-инеем оно да там садилось,
Над зеленым лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось,
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людюшках!

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде Бог судит на вто́ром быть пришествии, —
По делам-судам душа да будет праведна —
Може, станешь у Престола у Господнего,
Ты порóскажи Бладыке-Свету Истинному,
Ты про обчество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешения,
Как больши того е в мире огорчения;
Хоть повы́станем по утрышку ранёшенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжкиих грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил Господь ловцов да на киян-море;

Изловили оны рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельныи,
Повыпустили горюшко великое!
Зло-несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным со́колом,
Над крестьянамы, злодийно, черным вóроном;
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
«На белом свете я распоселилося,
До этих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются,
Не надиятся досады, принавидятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людюшки, как море, колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушены!
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отчевщина у их нонь придержалася;
Не стоят теперь сто́ги перегодныи,
Не насыпаны анбары хлеба Божьего;
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимных у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
Ты порóскажи, крестовой-милой кумушко,
Ты порóскажи Бладыке многомилосливу,
Што неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синем море;
Некуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Все доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке-сырой земле;
Во конец оны крестьян всех разоряют!
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московскии
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.